

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'33

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-4-35-47>

«Красные береты»: история одной метонимии в карлистском политическом дискурсе

А.А. Терещук¹✉

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Набережная реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург 191186, Российская Федерация

✉ e-mail: san_petersburgo@inbox.ru

Резюме

Цель исследования. Настоящая статья обращается к анализу политического дискурса карлистского движения – консервативного политического движения в Испании, игравшего важную роль в культурной и политической жизни страны в XIX–XX вв. Одним из символов карлизма стал красный берет, превратившийся в вестиментарный знак, свидетельствующий об идеологии и ценностных установках его владельца. В статье анализируется метонимическое употребление эймонаима «красный берет» в карлистском политическом дискурсе применительно к участникам движения.

Методы. В качестве материала для исследования использовались тексты на испанском, французском и русском языках, авторами которых стали участники карлистского движения. Анализируемые тексты относятся к публицистике, мемуаристике, художественной литературе и институциональному дискурсу карлистского движения. В работе применялись методы дефининитивного (дефиниционного), дискурсивного и контекстуального анализа, а также метод культурно-исторической интерпретации языковых фактов.

*Результаты. Проанализированные материалы позволяют сделать вывод, что уже в конце 1830-х гг., на раннем этапе существования движения, красный берет начал превращаться в вестиментарный знак, идентифицировавшийся с карлизмом. При этом метонимическое наименование «красные береты» (*boinas rojas*), использовавшееся по отношению к карлистам, получает распространение в испанском языке только в начале XX в., после публикации романа Р.М. дель Валье-Инклана «Отблески огня», в котором данная метонимия используется восемь раз. В 1930-е гг. эта лексическая единица фиксируется в языке русской военной эмиграции в Испании. Анализируются грамматические изменения в употреблении словосочетания *«boinas rojas»* в испанском языке и особенности его употребления при переносе в русский язык.*

Заключение. Проведенное исследование стало первой попыткой в российском и в зарубежном языкоznании проанализировать употребление метонимии «красные береты» в политическом дискурсе испанского карлизма. Ее перенос в язык русской эмиграции является примером трансфера элементов испаноязычного карлистского дискурса в проявления данной дискурсивной разновидности на других языках.

Ключевые слова: карлизм; язык карлизма; мода; берет; испанский язык; заимствование.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования Терещук А.А. «Красные береты»: история одной метонимии в карлистском политическом дискурсе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2025. Т. 15, № 4. С. 35-47. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-4-35-47>.

Статья поступила в редакцию 03.06.2025

Статья подписана в печать 28.08.2025

Статья опубликована 22.12.2025

«Red Berets»: A Metonymy in Carlist Political Discourse

Andrey A. Tereshchuk¹✉

¹The Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika Embankment, St. Petersburg 191186, Russian Federation

✉e-mail: san_petersburgo@inbox.ru

Abstract

Purpose of research. One of the symbols of the Carlist movement in Spain was the red beret, which turned into a vestimentary sign indicating the ideology of its owner. It is analyzed the metonymic use of the eironim "red beret" in the Carlist political discourse in relation to the participants of the movement.

Methods. Texts in Spanish, French, and Russian, authored by participants of the Carlist movement, were used as the material for the research. The methods of discursive and contextual content-semantic analysis as well as the method of cultural and historical interpretation of language material were used.

Results. The analyzed materials allow us to conclude that already in the late 1830s, at the early stage of the development of the movement, the red beret began to turn into a vestimentary sign identified with Carlism. The metonymic name "red berets", used in relation to Carlists, became widespread in the Spanish language only at the beginning of the 20th century, after the publication of R.M. del Valle-Inclán's novel "El resplandor de la hoguera", in which this metonymy is registered eight times. In the 1930s, this lexical unit is recorded in the language of the White Russian emigres in Spain.

Conclusion. The research is the first attempt in Russian and foreign linguistics to analyze the use of the metonym "red berets" in the political discourse of Spanish Carlism.

Keyword: Carlism, language of Carlism, fashion, beret, Spanish language, borrowing.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tereshchuk A.A. «Red Berets»: A Metonymy in Carlist Political Discourse. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2025; 15(4): 35–47 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-4-35-47>.

Received 03.06.2025

Accepted 28.08.2025

Published 22.12.2025

Введение

Одним из центральных понятий в современных гуманитарных науках является дискурс, который можно определить как «единство процесса языковой деятельности и ее результата» [1, с. 127]. Исследователи разграничивают разные виды дискурса: административный, дипломатический, юридический, военный и т.д.; кроме того, с точки зрения социолингвистики выделяются «персональный (личностно-ориентированный) и институциональный» типы дискурса [2, с. 150]. Большое внимание в языкоznании уделяется анализу политического дискурса. В статье, опираясь на работы А.П. Чудинова, под политическим дискурсом мы бу-

дем понимать языковое выражение общественной практики в политической сфере, для интерпретации которого требуется учитывать ряд экстралингвистических факторов [3, с. 41]. Данная разновидность дискурса отражает борьбу «различных сил за обладание властью, представляющую собой основную проблему политики» [4, с. 34]. К политическому дискурсу могут относиться самые разные виды текстов: выступления политиков, официальные документы, публистика и даже некоторые художественные произведения, которые направлены на формирование у читателя определенных идеологических установок (о роли художественных текстов в политической коммуника-

ции см.: [5; 6]), хотя, конечно, данная дискурсивная разновидность «остается еще преимущественно институциональным дискурсом» [7, с. 106].

Политический дискурс не является изолированным от других видов коммуникации феноменом. Сама сфера политики не имеет четких границ; как показывает Т. ван Дейк, к ней могут иметь отношение не только профессиональные политики, но и все граждане, которые участвуют в выборах или просто ведут разговоры на политические темы [8, р. 13]. Более того, как пишет Д. Вильсон, любой дискурс «политичен сам по себе» [9, р. 398]. Соответственно, пересечение политического и других видов дискурса является распространенным явлением.

Одним из таких видов дискурса является дискурс моды, в котором, как показывают актуальные исследования, отмечается тенденция к быстрым изменениям и инновациям [10, с. 2930]. Важную роль в изучении языка моды сыграли работы представителя французской школы дискурс-анализа Р. Барта. Он высказал мысль о том, что «сколь бы ни была функциональна реальная одежда, она всегда содержит в себе и сигналетическое начало, поскольку любая функция является как минимум знаком себя самой; рабочая спецовка служит для труда, но одновременно и демонстрирует этот труд» [11, с. 298]. Любой эймоним (то есть «лексическая единица, номинирующая предмет одежды» [12, с. 409]) может выступать в качестве знака и в определенном контексте приобретать дополнительные элементы значения. В испанском языке XIX – первой половины XX вв. ярким примером подобного эймонима является красный берет (исп. «boina roja»). Подчеркнем, что в данном исследовании в качестве отдельного эймонима мы выделяем не берет вообще, а именно берет красного цвета, который в испанской политической коммуникации XIX–XX вв. превратился в вестиментарный знак, служивший для «социальной идентификации

своего обладателя» в тех случаях, когда все участники коммуникации «владеют соответствующим культурно-семиотическим кодом» [13, с. 74]¹.

В XIX в. красный берет стал одним из символов карлизма – консервативного движения на испанской политической сцене, появившегося в 1833 г. и игравшего важную роль в жизни Испании вплоть до середины XX в. (название – от имени первого лидера движения, претендента на испанский престол дона Карлоса). В испанском языке закрепилось метонимическое наименование карлистов как «красных беретов» (под метонимией понимается перенос имени «с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию»²). Данная метонимия активно использовалась в политическом дискурсе сторонников движения. Так, например, именно такое название («Boinas Rojas») получил один из крупнейших карлистских журналов 1930-х гг. [15, р. 43]. Другой пример – использование метонимии в тексте «Марша Ориаменди», гимне карлистского движения: «Cueste lo que cueste se ha de conseguir que los boinas rojas entren en Madrid» («Чего бы этого ни стоило, надо добиться того, чтобы красные береты вошли в Мадрид») [16, р. 26]. Кроме того, практика обозначения карлистов как «красных беретов» закрепилась в языке русской военной эмиграции в Испании.

¹ Другие головные уборы также могли превращаться в вестиментарные знаки в испанской политической коммуникации. Например, во франкистском политическом дискурсе в середине XX в. в качестве вестиментарного знака использовалась шляпа, которая символизировала «благонадежность» и консервативные взгляды ее владельца [14, р. 189].

² Арутюнова Н.Д. Метонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 300.

Сам факт метонимического наименования карлистов как «красных беретов» и употребления данного эймонаима в карлистском дискурсе уже отмечался в отечественных и зарубежных научных работах (см., например: [17, с. 197; 18, с. 384–385; 19, р. 98; 20, р. 233; 21, р. 175]), при этом до сих не было проведено лингвистического анализа употребления данной лексической единицы в карлистском политическом дискурсе. Кроме того, остается открытым вопрос о том, с какого момента эймонаим перестал обозначать просто головной убор красного цвета и приобрел дополнительное коннотативное значение, связанное с его метонимическим употреблением. В современной научной литературе термин «красные береты» иногда распространяется на всю историю существования карлизма [22; 23]; кроме того, в отдельных случаях ношение красного берета ошибочно приписывается фалангистам [24, с. 39] – представителям совершенно иной политической идеологии, во многом противоположной карлизму. Лингвосемиотический анализ данного эймонаима, таким образом, может быть релевантным не только для изучения испанской политической коммуникации, но и для исследований по истории Испании.

Материалы и методы

В настоящей статье мы анализируем происхождение метонимического наименования карлистов как «красных беретов», особенности его употребления в испанском языке в XIX–XX вв. и заимствование данной лексической единицы языком русской военной эмиграции в 1930-е гг. Для достижения заявленной цели мы обращаемся к методам дискурсивного, контекстуального и дефинитивного (дефиниционного) анализа, а также к методу культурно-исторической интерпретации языковых фактов. Временные рамки исследования – 1833–1939 гг., то есть период от начала Первой Карлис-

тской войны и появления карлистского движения до окончания Гражданской войны в Испании в XX в. Употребление данной лексической единицы анализируется на примере текстов художественной литературы, мемуаристики и публицистики. Так как целью исследования является рассмотрение употребление эймонаима «красный берет» в карлистском дискурсе, то авторами анализируемых текстов являются люди, участвовавшие в карлистском движении.

В качестве источников были использованы тексты воспоминаний участников карлистского движения барона Г. дю Касса, А. Сабатье, М. Вайреды и Ч.Ф. Хеннингсена; английского путешественника по Испании Т. Фарра; роман испанского писателя Р.М. дель Валье-Инклана «Отблески огня» (*«El resplandor de la hoguera»*); официальные документы карлистского движения, опубликованные в приложениях к 30-томной «Истории испанского традиционализма» (*«Historia del tradicionalismo español»*) под редакцией М. Феррера и его соавторов; публикации карлистской газеты *«El Siglo Futuro»*; воспоминания русских эмигрантов Н.В. Шинкаренко и А.П. Яремчука, служивших в 1936–1939 гг. в карлистском ополчении.

Результаты и обсуждение

Очевидно, что сторонники дона Карлоса не были изобретателями берета (исп. *«boina»*), хотя известный испанский лексиколог Х.М. Ирибаррен в середине прошлого столетия высказал предположение, что именно они способствовали популяризации этого головного убора в Испании: по его мнению, до Первой Карлистской войны береты были характерным головным убором только у жителей отдельных районов в Пиренеях [25, р. 246]. Подтверждением данной гипотезы служит тот факт, что сама лексема *«boina»* вошла в Словарь Королевской академии испанского языка только в 1843 г., через

три года после окончания конфликта, причем она определялась как головной убор, ‘который носят в стране басков’ («que se usa en el país vasco»)¹.

Береты начали ассоциироваться с карлизмом практически с самого начала конфликта: Т. Фарр писал, что английские солдаты, участвовавшие в войне 1833–1840 гг. на стороне либерального правительства, носили «light cloth caps from England, nearly after the model of the Carlist cap, the *boyna* or *berêt* of the country» («обычные легкие матерчатые кепки из Англии, практически такие же, как и карлистские шляпы, называемые *boina* или *berêt*»)². Уже во второй половине 1830-х гг. берет превратился в вестиментарный знак, игравший важную роль в политической коммуникации. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1838 г. главнокомандующий армией кристинос (либералов) Б. Эспарtero специальным приказом запретил на подконтрольных ему территориях ношение берета как предмета одежды, характерного для приверженцев дона Карлоса [26, p. 49].

В ходе войны 1833–1840 гг. карлисты носили береты не только красного, но и других цветов. М.Т. Барбадильо де ла Фуэнте, изучавшая вестиментарный код карлистского движения на основании материалов допросов перебежчиков из армии дона Карлоса в 1838–1839 гг., указывает, что около 100 бывших карлистов сообщили, что носили синие береты, около 20 – красные, 2 – белые [27, p. 126]. Более того, в первые два года войны головные уборы красного цвета (необязательно береты) ассоциировались с противниками карлистов. Некоторые ирре-

¹ Diccionario de la lengua castellana. Madrid: Francisco María Fernández, 1843. P. 106.

² Farr T. A Traveller's Rambling Reminiscences of the Spanish War; with Refutation of the Charges of Cruelty Brought Against General Evans and the British Legion; and a Defence of British Policy. Dedicated to the Members of Both Houses of Parliament. London: Ridgway & Sons, 1838. P. 261.

гулярные отряды, участвовавшие в конфликте на стороне кристинос, получили название «чапельгоррис» («chapelgorris»). Данная лексема происходит от баск. ‘txapel gorri’ («красная шляпа»). В 1835 г. лексема «чапельгоррис» проникает и в русский язык: 29 июня (11 июля) 1835 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости» напечатала большую статью про эти подразделения [18, с. 384]. Подобная культурно-маркированная лексика, как правило, не закрепляется в языке-реципиенте и служит для достижения определенного эффекта, который состоит в «остранении или дистанцировании описания от привычного читателю культурного окружения» [28, с. 43]. После окончания войны и распуска отрядов чапельгоррис данная лексема вышла из употребления и в испанском, и в русском языках.

Таким образом, в ходе Первой Карлистской войны метонимия «красные береты» еще не употреблялась по отношению к карлистам, хотя ряд мемуаристов отмечают сам факт ношения сторонниками дона Карлоса этого головного убора (разных цветов)³. При этом в 1830-е гг. еще не фиксируется метонимического употребления данной лексической единицы. Например, французский доброволец в армии дона Карлоса А. Сабатье пишет, что увидел вдалеке отряд солдат и идентифицировал их как карлистов именно по головным уборам: «Les bérrets

³ Du-Casse H. Ecos de Navarra o Don Carlos y Zumalacárregui. Hechos históricos, detalles curiosos y recuerdos de un oficial carlista. Madrid, 1840. P. 23; Henningsen C.F. The most striking events of a twelvemonth's campaign with Zumalacarregui in Navarre and the Basque Provinces. By C. F. Henningsen, captain of lancers in the service of Don Carlos. Vol. II. London: John Murray, Albemarle-street, 1836. P. 280; Sabatier A. Tio Tomas. Souvenirs d'un soldat de Charles V, par Alexis Sabatier, lieutenant-colonel d'infanterie au service d'Espagne, deux fois chevalier de première classe de l'ordre royal et militaire de Saint-Ferdinand. Bordeaux: Chez Granet, 1836. P. 28.

rouges me rassurèrent bientôt, en m'aprenant qu'elle était formée par les guides de Navarre» («Красные береты быстро меня убедили, что он [отряд – прим.] состоял из Наваррских егерей»)¹. В данном примере словосочетание «berets rouges» служит просто для обозначения предмета одежды. При этом показательно, что именно этот головной убор является наиболее яркой чертой униформы и позволяет мемуаристу определить его обладателей как «своих». Отметим, что во время войны 1833–1840 гг. у карлистов отсутствовала единая армейская форма; практически у всех частей были проблемы с обмундированием, и солдаты часто носили обычную крестьянскую одежду [29, р. 152–155]. Можно предположить, что впоследствии берет превратился в один из символов карлизма именно по причине своей распространенности и заметности. Кроме того, береты красного цвета были отличительной деталью униформы Наваррских егерей – одной из лучших частей в армии дона Карлоса [29, р. 107–108]. Уже после окончания войны престиж данного подразделения мог способствовать популяризации красных беретов среди карлистов.

Если в 1830-е гг. карлисты носили береты разных цветов, то во второй половине XIX в. именно красный берет стал символом карлизма. Х.Ф. Фуэнтес и И. Мартин Санчес, изучая семиотику моды в испанском обществе, отмечают, что к началу XX в. черный берет превратился в наиболее распространенный головной убор у крестьян во всей Испании; при этом они не имел ничего общего с красным беретом, который представлял собой знак, обладающий политическим содержанием [20, р. 243]. Каталонский писатель и участник карлистского движения М. Вайреда вспоминал, что в 1872 г., накануне Третьей Карлистской войны, обстановка на улицах испанских городов была так накалена, что либерально

настроенная толпа могла напасть на любого случайного прохожего в красном берете, подозревая его в симпатиях к дону Карлосу². Для нас принципиальна не достоверность данного свидетельства – «Воспоминания о последней карлистской войне» М. Вайреды определяются литературоведами как «романизированные мемуары» [30, р. 90] – а тот факт, что в качестве наиболее значимого атрибута принадлежности к карлизму автор выделил именно красный берет. Важно подчеркнуть, что в XIX в. одежда обладала большей сигнальностью (термин Р. Барта), чем в современности, и играла важную роль как система знаков [11, с. 302].

При всей распространенности данного головного убора среди карлистов во второй половине XIX в., вплоть до начала следующего столетия в текстах не фиксируется его метонимическое употребление. Ни в мемуаристике, ни в программных документах движения карлисты не именуются «красными беретами». В то же время в самом начале XX в. данное обозначение появляется в художественной литературе, в творчестве Р.М. дель Валье-Инклана. Писатель, яркий представитель поколения 98 года, на протяжении большей части жизни был активным сторонником карлизма (о карлистской проблематике в творчестве Р.М. дель Валье-Инклан см. монографию: [31]). В романе «Отблески огня» («El resplandor de la hoguera»), впервые опубликованном в 1909 г., писатель восемь раз использует эймоним «boina roja» в качестве метонимики. Данная лексическая единица встречается в разных сочетаниях: с числительными: «tropa de cien boinas rojas» («отряд из ста красных беретов»)³; с неопределенными местоимениями: «se veía de tiempo en tiempo alguna boina roja que

¹ Sabatier A. Tio Tomas... P. 50.

² Vayreda M. Records de la darrera carlinada. Barcelona: L'Avenç, 2014. P. 16.

³ Valle-Inclán R.M. del Resplandor de la hoguera. Madrid: Librería general de Victoriano Suárez, 1909. P. 105.

pasaba corriendo al abrigo de un ribazo» («время от времени можно было заметить какой-нибудь красный берет, который пробегал, укрываясь за холмом»)¹; с неопределенными местоимениями: «ninguna boina roja asomaba entre jaras y picachos» («ни один красный берет не показывался в кустах или на вершинах»)²; с указательными местоимениями: «tumulto que alzaban aquellas cien boinas rojas» («шум, который поднимала та сотня красных беретов»)³. В одном примере опущено определение: «;Y las boinas, dónde están, hermano?» («А береты где, брат?»)⁴, но из контекста очевидно, что речь идет не о головных уборах, а о карлистских партизанах.

Отметим, что выход «Отблесков огня» совпал с периодом наиболее активного участия писателя в жизни карлистского движения (в 1908–1913 гг.) [31, p. 141–244]. Возможно, именно текст Р.М. дель Валье-Инклана способствовал популяризации метонимического употребления «boina roja» среди карлистов. Так, в 1933 г. поэт и писатель И. Ромеро Раисабаль выпустил целый сборник стихов «Красные береты» (*«Boinas rojas»*); три года спустя он опубликовал травелог «Красные береты в Австрии» (*«Boinas rojas en Austria»*), посвященный поездке в Вену на похороны карлистского претендента на престол Альфонсо Карлоса. Данная метонимия начинает регулярно употребляться в карлистской прессе. Например, известная карлистская журналистка М.Р. Уррака в одной из своих статей в газете *«El Siglo Futuro»*, рассказывая о посещении города Санлукар-ла-Майор, пишет о «doble hilera de boinas rojas precediendo y escoltando mi coche» («двойной шеренгой красных беретов, ко-

торые следовали за мной и охраняли мою машину»)⁵.

К началу Гражданской войны (1936–1939) метонимия *«boinas rojas»* проникает даже в институциональный дискурс движения; например, в приказе Национального делегата организации Рекете (*«Delegado nacional de Requetés»*) от 30 сентября 1936 г. говорилось о траурных ленточках (по случаю кончины Альфонсо Карлоса), которые были обязательны «para todos los Jefes y Oficiales y para todos los Boinas Rojas que formen en guardia de honor» («для всех Командиров и Офицеров и для всех Красных Беретов в составе почетного караула») [32, p. 116]. В данном примере отметим употребление определенного артикля мужского рода перед *«boinas rojas»* (ср.: в приведенных выше примерах из Р.М. дель Валье-Инклана эймоним согласовывался с местоимениями и артиклями женского рода, хотя в обоих случаях речь шла о солдатах-мужчинах). Ранее в официальных документах движения, в течение 103 лет с момента появления карлизма как отдельного субъекта испанской политики, эймоним *«boina roja»* ни разу не употреблялся метонимически.

Именно во время Гражданской войны в Испании данная метонимия заимствуется языком русской военной эмиграции. В 1936–1939 гг. по меньшей мере 127 белых эмигрантов (преимущественно офицеров) в качестве добровольцев приняли участие в конфликте на Пиренейском полуострове на стороне франкистов [33, с. 142–151]. Многие из них служили в карлистском ополчении (Рекете); естественно, вследствие языкового контакта в их речи отмечались многочисленные испанские интерференции, т. е. «отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один» [34, с. 22]. Данные интерференции зафиксированы в письменных ис-

¹ Valle-Inclán R.M. del Resplandor de la hoguera. P. 176–177.

² Там же. P. 213.

³ Там же. P. 126.

⁴ Там же. P. 15.

⁵ *El Siglo Futuro*, 25.03.1933. P. 1.

точниках: письмах, газетных статьях, во-споминаниях. Одной из испанских лексических единиц, фиксируемых в языке русской эмиграции, стало словосочетание «boinas rojas», и в своем прямом значении, и в метонимическом.

Сам факт ношения карлистами беретов отмечается в многочисленных текстах, написанных нашими соотечественниками, посетившими Испанию в 1930-е гг. Русские добровольцы также носили красные береты. Штабс-капитан А.П. Яремчук вспоминал о первых днях в карлистском ополчении: «На следующий день нас повели в какое-то учреждение и там выдали обмундирование защитного цвета: штаны с пуговицами ниже колен, гимнастерки, белые носки и красные береты»¹. Красный берет имел важное символическое значение и выступал в качестве характерного признака принадлежности к движению; при этом, как отмечает тот же мемуарист, на поле боя многие карлисты надевали береты цвета хаки².

В воспоминаниях участника Гражданской войны в Испании генерала и писателя Н.В. Шинкаренко (писал под псевдонимом «Николай Белогорский») часто встречается испанская интерференция «бойна роха». Как писал Р. Барт, «вестиментарный знак хотя и сводится к единству, но может включать в себя несколько фрагментов означающих (комбинаций матриц и элементов самой матрицы) и несколько фрагментов означаемых (комбинаций семантических единиц)» [11, с. 248]; соответственно, у Н.В. Шинкаренко эймоним «бойна роха» употребляется в разных значениях. Первое значение – это «красный берет», например при описании одежды, которую на себя примеряет мемуарист: «А на голову вот эта самая “бойна роха” – красный берет баскский, традиционно кар-

листский»³. По аналогии с испанским языком Н.В. Шинкаренко также употребляет эту лексическую единицу метонимически, по отношению к солдатам из карлистского ополчения: «На розарио собирались все, кто не занят какой-либо особой службой. И офицеры, и “бойны”»⁴. В данном примере Н.В. Шинкаренко метонимия «бойна» употребляется только по отношению к рядовым и унтер-офицерам, в то время как офицеров автор упомянул отдельно. Аналогичное противопоставление отмечается в приведенном выше примере из институционального карлистского дискурса, в то время как в художественном тексте Р.М. дель Валье-Инклана метонимия «boinas rojas» относится ко всем карлистам, вне зависимости от чина.

Важно отметить, что испанская интерференция «бойна роха» в анализируемом тексте изменяется по падежам, а также имеет формы единственного и множественного числа. Как показывают исследования, посвященные испанским интерференциям в речи русских эмигрантов в Испании в современности, аналогичные процессы происходят со многими другими испанскими лексическими единицами, которые грамматически и фонологически встраиваются в русский язык [35, с. 296].

Выводы

Эймоним «boina roja» превратился в важный знак в испанской политической коммуникации в XIX – первой половине XX вв. Практически сразу после появления в 1833 г. карлистского движения берет стал головным убором, ассоциировавшимся с его сторонниками. Во второй

¹ Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании. Сан-Франциско: Глобус, 1983. С. 10.

² Там же. С. 18.

³ Белогорский Н. Белая песня Испании (мемуары генерал-майора Русской армии генерала Врангеля Н.В. Шинкаренко, в писательских кругах известного как Н. Белогорский). Курск: Юго-Западный государственный университет, 2018. С. 13.

⁴ Там же. С. 20.

половине XIX в. приверженцы карлизма начали носить исключительно береты красного цвета. С начала XX в. в Испании распространилось метонимическое наименование карлистов как «красных беретов». Распространению данной лексической единицы способствовал Р.М. дель Валье-Инклан, который неоднократно употреблял эту метонимию в своем романе «Отблески огня» (1909). В 1930-е гг. метонимия «boina roja» широко употреблялась не только в художественной литературе и публицистике, но и проникла в институциональный дискурс карлизма.

Во время Гражданской войны в Испании (1936–1939) она приобрела дополнительное значение и начала использоваться преимущественно по отношению к низшим чинам карлистского ополчения, а не к офицерам. В этот же период данная лексическая единица попала в язык русской военной эмиграции в Испании. В воспоминаниях русского генерала и писателя Н.В. Шинкаренко встречается интерференция из испанского «бойна роха», которая употребляется как по отношению к предмету одежды, так и применительно к карлистским солдатам (метонимия).

Список литературы

1. Кибrik A.A. Дискурс // Введение в науку о языке. М.: Буки Веди, 2019. С. 126–163.
2. Лукьянова С.В. К вопросу о типологии дискурса // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 150–154.
3. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2006. 256 с.
4. Мурзин Ю.П. Прецедентное имя: из сфер-источников «литература» и «кино» в сферу-мишень «политический дискурс» (на материале СМИ Испании) // Филологические науки в МГИМО. 2023. Т. 9, № 2. С. 32–47.
5. Минаева Л.В. Литературная составляющая в политическом дискурсе // Преподаватель XXI век. 2024. № 3. Ч. 2. С. 399–412. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2024-3-399-412>.
6. Терещук А.А. Роман Патрисио де ла Эскосуры «Патриарх долины» в контексте испанского политического дискурса XIX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 1. С. 65–76. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-1-65-76>.
7. Алексеев А.Б. Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 96–111. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111>.
8. Van Dijk T.A. What is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. 1997. Vol.11. Is. 1. P. 11–52.
9. Wilson J. Political Discourse // The Handbook of Discourse Analysis. Wiley Online Books. P. 398–415. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9780470753460> (дата обращения 10.05.2024).
10. Ивлиева Е.А. Англицизмы тематической группы «Мода» в испанском медийном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, Вып. 9. С. 2926–2930. <https://doi.org/10.30853/phil20230457>.
11. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

12. Хорошева Е.А., Савина Е.В. Специфика лексико-семантического поля современного франкоязычного дискурса моды: переводческий аспект // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 4 (51). С. 408–421.
13. Терехова М.В. Семиотика мужского формального костюма начала XX века // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (30). С. 71–74.
14. Caldevilla-Domínguez D., Barrientos-Baez A. Relaciones Pùblicas entre 1940 y 1960: imagen del franquismo // Aportes: Revista de historia contemporánea. 2024. Vol. 39, № 115. P. 173–217.
15. Recio Cuesta J.P. Boinas Rojas: la voz del carlismo extremeño durante la Guerra Civil // Aportes. Revista de historia contemporánea. 2024. Vol. 39, № 114. P. 41–72.
16. Nagore M. Carlismo y música // Imágenes: el Carlismo en las artes. III Jornadas de Estudio del Carlismo. Pamplona: Gobierno de Navarra, 2010. P. 1–26.
17. Протасенко С.В. Идеология и практика испанского карлизма // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6, № 1. С. 194–206.
18. Терещук А.А. Лексические особенности наименования противника в сленге испанских карлистов в период Первой Карлистской войны // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 4 (51). С. 380–394.
19. Blinkhorn M. Carlismo y contrarrevolución en España, 1931–1939. Barcelona: Editorial Crítica, 1979. 469 p.
20. Fuentes J.F., Martín Sánchez I. Boina/sombrero: una dicotomía social y simbólica en la España del siglo XX // Historia y Política. 2020. № 43. P. 225–254.
21. Lawrence M. The Spanish Civil Wars: A Comparative History of the First Carlist War and the Conflict of the 1930s. London: Bloomsbury, 2017. 264 p.
22. Canal J. Banderas blancas, boinas rojas Una historia política del carlismo, 1876–1939. Madrid: Marcial Pons, Ediciones de Historia, 2006. 353 p.
23. Clemente J.C. Breve historia de las guerras carlistas. Madrid: Nowtilus, 2011. 384 p.
24. Кривцова Е.В. Испанские связи Сергея Прокофьева // Искусство музыки: теория и история. 2012. № 4. С. 33–48.
25. Iribarren J.M. Sentido y origen de la voz “requeté” // Príncipe de Viana. 1959. № 76–77. P. 241–247.
26. Martínez Dorado G., Pan-Montojo J. El primer carlismo, 1833–1840 // Ayer. 2000. № 38. P. 35–63.
27. Barbadillo de la Fuente M.T. Interrogatorios a soldados carlistas presentados en la Capitanía General de Navarra (1838–1839) // De re diplomatica militari: archivos y documentos de la Defensa. 2018. P. 105–155.
28. Белоглазова Е.В., Кабакчи В.В., Иванова Е.Ю. Если ксенонимы появляются – значит, это кому-нибудь нужно: стилистические функции ксенонимов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1 (817). С. 41–55.
29. Albi de la Cuesta J. El ejército carlista del norte (1833–1839). Madrid: Desperta Ferro Ediciones, 2017. 496 p.
30. Illas E. Marià Vayreda: el carlismo reciclado y el inconsciente catalán // Res Publica: revista de filosofía política. 2004. № 13–14. P. 87–96.
31. Comesaña A. Tinta, Tierra y Tradición. Ramón María del Valle-Inclán y el carlismo. Madrid: Reino de Cordelia, 2021. 880 p.

32. Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. Historia del Tradicionalismo Español. Tomo XXX. Vol. II. Sevilla: Editorial católica española, 1979. 158 p.
33. Семенов К.К. Русская эмиграция и Гражданская война в Испании, 1936–1939 гг. М.: Алгоритм, 2016. 256 с.
34. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 264 с.
35. Терещук А.А. Лексическая интерференция в речи представителей русскоязычной diáspora в Каталонии // Древняя и Новая Романия. 2015. № 16. С. 290–300.

References

1. Kibrik A.A. Discourse. In: *Vvedenie v nauku o yazyke = Introduction to Linguistics*. Moscow: Buki Vedi; 2019. P. 126–163. (In Russ.).
2. Lukiaanova S.V. Concerning the Question of the Typology of Discourse. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Socialno-gumanitarnye nauki = Pskov University Herald. Issue: Humanities*. 2016;(3):150–154. (In Russ.).
3. Chudinov A.P. *Political Linguistics*. Moscow: Flinta; Nauka; 2006. 256 p. (In Russ.).
4. Murzin Y.P. Precedent Name: From the Source Spheres “Literature” and “Cinema” in the Target Sphere “Political Discourse” (Based on the Material of the Spanish-Language Media). *Filologicheskie nauki v MGIMO = Philological sciences at MGIMO*. 2023;9(2):32–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-32-47>.
5. Minaeva L.V. Literary Component in Political Discourse. *Prepodavatel XXI vek = Professor of the XXI Century*. 2024 3(2):399–412. (In Russ.). <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2024-3-399-412>.
6. Tereshchuk A.A. The Novel by Patricio de la Escosura “The Patriarch of the Valley” in the Context of the Spanish Political Discourse of the 19th Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2024;14(1):65–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-1-65-76>.
7. Alexeyev A.B. The Political Marginalization as a Communicative Strategy of Power Domination in Political Discourse. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i Mezhkulturnaia kommunikatsia = Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2022;20(1):96–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111>.
8. Van Dijk T.A. What is Political Discourse Analysis? *Belgian Journal of Linguistics*. 1997;11(1):11–52.
9. Wilson J. Political Discourse. *The Handbook of Discourse Analysis*. Wiley Online Books: 398–415. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9780470753460> (accessed 10.05.2024).
10. Ivlieva E.A. Anglicisms of the thematic group “Fashion” in the Spanish media discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2023;1(9):2926–2930. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20230457>.
11. Bart R. *System of Fashion. Articles on Semiotics of Culture*. Moscow: Izdatelstvo im. Sabashnikovyh; 2003. 512 p. (In Russ.).
12. Horosheva E.A., Savina E.V. Characteristics of Lexical and Semantic Field of Modern French-Language Discourse of Fashion: Aspect of Translation. *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya*

kommunikaciya = Theory of Language and Intercultural Communication. 2023;(4):408–421. (In Russ.).

13. Terekhova M.V. Semiotics of formal menswear of early 20th century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstva = Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts.* 2017;(1):71–74. (In Russ.).
14. Caldevilla-Domínguez D., Barrientos-Baez A. Relaciones Pùblicas entre 1940 y 1960: imagen del franquismo. *Aportes: Revista de historia contemporánea.* 2024;39(115):173–217. (In Span.).
15. Recio Cuesta J.P. Boinas Rojas: la voz del carlismo extremeño durante la Guerra Civil. *Aportes. Revista de historia contemporánea.* 2024;39(114):41–72. (In Span.).
16. Nagore M. Carlismo y música. *Imágenes: el Carlismo en las artes. III Jornadas de Estudio del Carlismo.* Pamplona: Gobierno de Navarra; 2010. P. 1–26. (In Span.).
17. Protasenko S.V. Ideology and Practice of Spanish Carlism. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS = Political expertise: POLITEX.* 2010;6(1):194–206. (In Russ.).
18. Tereshchuk A.A. Lexical Characteristics of Naming the Enemy in the Slang of Spanish Carlists during the First Carlist War. *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikaciya = Theory of Language and Intercultural Communication.* 2023;(4):380–394. (In Russ.).
19. Blinkhorn M. *Carlismo y contrarrevolución en España, 1931–1939.* Barcelona: Editorial Crítica; 1979. 469 p. (In Span.).
20. Fuentes J.F., Martín Sánchez I. Boina/sombrero: una dicotomía social y simbólica en la España del siglo XX. *Historia y Política.* 2020;(43):225–254. (In Span.).
21. Lawrence M. *The Spanish Civil Wars: A Comparative History of the First Carlist War and the Conflict of the 1930s.* London: Bloomsbury; 2017. 264 p.
22. Canal J. *Banderas blancas, boinas rojas Una historia política del carlismo, 1876–1939.* Madrid: Marcial Pons, Ediciones de Historia; 2006. 353 p. (In Span.).
23. Clemente J.C. *Breve historia de las guerras carlistas.* Madrid: Nowtilus; 2011. 384 p. (In Span.).
24. Krivtsova E.V. Sergey Prokofiev's Spanish Relationships. *Iskusstvo muzyki: teoriya i istoriya = Art of Music. Theory and History.* 2012;(4):33–48. (In Russ.).
25. Iribarren J.M. Sentido y origen de la voz “requeté”. *Príncipe de Viana.* 1959;(76–77):241–247. (In Span.).
26. Martínez Dorado G., Pan-Montojo J. El primer carlismo, 1833–1840. *Ayer.* 2000;(38):35–63. (In Span.).
27. Barbadillo de la Fuente M.T. Interrogatorios a soldados carlistas presentados en la Capitanía General de Navarra (1838–1839). *De re diplomatica militari: archivos y documentos de la Defensa;* 2018. P. 105–155. (In Span.).
28. Beloglazova E.V., Kabakchi V.V., Ivanova E.Y. Xenonyms for Rhyme or Reason: Or Stylistic Functions of Xenonyms. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities.* 2019;(1):41–55. (In Russ.).
29. Albi de la Cuesta J. *El ejército carlista del norte (1833–1839).* Madrid: Desperta Ferro Ediciones; 2017. 496 p. (In Span.).
30. Illas E. Marià Vayreda: el carlismo reciclado y el inconsciente catalán. *Res Publica: revista de filosofía política.* 2004;(13–14):87–96. (In Span.).
31. Comesaña A. *Tinta, Tierra y Tradición. Ramón María del Valle-Inclán y el carlismo.* Madrid: Reino de Cordelia; 2021. 880 p. (In Span.).

32. Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. *Historia del Tradicionalismo Español*. Tomo XXX. Vol. II. Sevilla: Editorial católica española; 1979. 158 p. (In Span.).
33. Semenov K.K. *Russian Emigration and the Spanish Civil War, 1936–1939*. Moscow: Algoritm; 2016. 256 p. (In Russ.).
34. Weinreich U. *Languages in Contact: Findings and Problems*. Kiev: Vishcha shkola; 1979. 264 p. (In Russ.).
35. Tereshchuk A.A. Lexical Interference in the Speech of the Members of the Russian-Speaking Diaspora in Catalonia. *Drevnyaya i Novaya Romaniya = Ancient and New Romania*. 2015;(16):290–300. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the Author

Терещук Андрей Андреевич, кандидат филологических наук, доцент, кафедра романской филологии, институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: san_petersburgo@inbox.ru,
ORCID: 0000-0001-8838-9302
SPIN 1210-6319

Andrey A. Tereshchuk, Candidate of Sciences (Philological), Associate Professor, Department of Romance Philology, The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: san_petersburgo@inbox.ru,
ORCID: 0000-0001-8838-9302,
SPIN 1210-6319